

«Конечно, будем знать» К 150-летию со дня рождения Дмитрия Иосифовича Ивановского

Немного найдется людей, которые завещали бы потомству безупречно чистый и светлый нравственный образ, на который даже клевета врагов не могла бы набросить тень.

К.А.Тимирязев

Д.А.Гапон,
кандидат биологических наук,
Зоологический институт РАН
Санкт-Петербург

Юности свойственно искать нравственные и культурные ориентиры, источники того знания о способах бытия, которое М.Полани определил как неявное. По большей части не находя такие ориентиры в повседневной жизни Ростовского университета, где прошли первые четыре года моей студенческой жизни, я невольно обращался к фигурам из прошлого, которые еще таинственным образом ощущались в стенах этого университета. Мое особое внимание привлекал тогда Дмитрий Иосифович Ивановский, профессор кафедры ботаники Донского (а еще ранее Варшавского) университета. Его небольшой портрет висел в одной из лабораторий, а его имя упоминалось на лекциях в связи с открытием вирусов. Но дело было даже не в самом открытии. При всем понимании его важности для меня оно имело значение больше как причина, благодаря которой сохранились и дошли до наших дней сведения о неординарной личности его автора. Не сделай Ивановский этого открытия, в чем-то случайного, свидетельства о нем как о человеке и ученом ушли бы в небытие. Мы ведь почти ничего не знаем о многих замечательных людях науки, культуры, живших и работавших как бы в другом, загадочном и малопонятном для нас теперь мире, погибшем подобно Атлантиде в водовороте чудовищных событий первой половины XX в. Чем больше я узнавал об Ивановском, тем сильнее становился мой интерес к его таланту исследователя, личным принципам и жизненной позиции, проявившимся в его непростой и во многом печальной судьбе.

Я хотел бы напомнить, а может быть, и рассказать благосклонному читателю что-то новое о Дмитрие Иосифовиче, этом замечательном ученом, жизненный путь и нравственный облик которого интересны и поучительны, особенно для нашего времени. Сейчас кажется необычной и странной его щепетильность в вопросах чести

Дмитрий Иосифович Ивановский.
9.XI(28.X)1864—20.VI.1920.

и собственного достоинства, неотделимая от тщательности и добросовестности в научной работе, даже если это идет вразрез с карьерными интересами. В эпоху господства мелочных и своекорыстных интересов может показаться безумным сделанный им выбор между перспективной должностью и необходимостью продолжить исследования, потому что их результаты были еще недостаточно надежны и ценны для науки. К сожалению, интерес биографов к фигуре Ивановского возник лишь через 20 с лишним лет после его смерти. За это время многие свидетельства о нем

были утрачены, чему поспособствовали Гражданская и Вторая мировая войны, а после — очевидно, политическая цензура и стремление сделать из него очередного классика «новой советской биологии». Тем ценнее каждый сохранившийся факт его биографии, каждое свидетельство знавших его современников. Именно такие, теперь снова почти позабытые факты я хочу представить читателю. Обзор же научных взглядов Ивановского и анализ разросшихся вокруг них политизированных интерпретаций я предполагаю изложить в отдельной публикации.

Жизненный путь

Дмитрий Иосифович (Осипович) Ивановский родился 9 ноября (28 октября*) 1864 г. в с.Низы** Гдовского уезда Санкт-Петербургской губернии, ныне не существующем, затопленном Нарвским водохранилищем в 1954 г. Отец его, Иосиф Антонович, происходивший из обедневших дворян Херсонской губернии, служил становым приставом 2-го стана Гдовского уезда в чине коллежского асессора. Дед Антон Осипович был подполковником армии. Дмитрий был младшим сыном в большой семье. Его самый старший брат, Николай, впоследствии стал ветеринарным врачом, второй брат, Алексей, — известным синологом, ординарным профессором Петербургского университета. Обоих братьев Дмитрий пережил: Алексей скончался в 1903 г. в психиатрической клинике, Николай — в 1910 г. Две сестры Дмитрия, старшая Лидия и младшая Ольга, погибли в 1942 г. от голода в Ростове-на-Дону во время немецкой оккупации.

Учился Ивановский первые годы, видимо, в Гдове, а затем, когда семья переехала в Санкт-Петербург, — в Ларинской гимназии, которую окончил с медалью в 1883 г. В августе того же года он поступил на физико-математический факультет Императорского Санкт-Петербургского университета. К тому времени отец умер, и семья жила очень бедно на вдовью пенсию в дешевой съемной квартире дома №13 по Петровской улице*** на тогдашней окраине Петроградской стороны. Поступив в университет, Дмитрий вынужден был подать ходатайство об освобождении от платы за обучение и о назначении стипендии. Причина сего указана в свидетельстве канцелярии Санкт-Петербургского градоначальника: «...проситель... состояния бедного, имущества у него, кроме необходимого, другого

никакого нет, имеет мать вдову Екатерину Александровну 48 лет, получающую пенсию по 372 рубля в год...» [1]. Ходатайство было удовлетворено, и Ивановский стал получать стипендию как успевающий студент.

В 1860-х — начале 1880-х годов естественное отделение физико-математического факультета в Санкт-Петербургском университете было одним из крупнейших научных центров страны. Там работали выдающиеся ученые, составившие гордость российской науки. Курс геологии читал А.А.Иностранцев, физическую географию — А.Е.Воейков, химию — Н.А.Меншуткин, почвоведение — П.А.Костычев, физиологию животных — И.М.Сеченов, специальный курс физиологии — Н.Е.Введенский, зоологию беспозвоночных — Н.П.Вагнер, позвоночных — К.Ф.Кесслер, ботанику — А.Н.Бекетов и физиологию растений — А.С.Фаминцын. Влияние двух последних, и особенно Фаминцына, привело Ивановского к выбору дальнейшей специализации. В 1887 г. Бекетов предложил ему заняться изучением болезней табака по заданию Вольного экономического общества. Дмитрий Иосифович согласился, и это решение определило всю его дальнейшую судьбу: привело сначала к безвестности и почти полному забвению, а потом посмертно возвеличило его имя.

Предприняв совместно со студентом В.В.Полцовым в 1887 г. поездку на табачные плантации

В год окончания университета.

* Здесь и далее все даты до 1918 г. даны по старому стилю.

** В некоторых источниках можно встретить утверждение, что Д.И.Ивановский родился в Гдове, но сомнения на этот счет развешиваются выпиской о его рождении из метрической книги церкви с.Низы, хранящейся в Архиве РАН.

*** Ныне Лахтинская улица, на пересечении с Малым проспектом. Здание не сохранилось, на его месте в 1898 г. был возведен доходный дом по проекту С.П.Кондратьева.

Украины и Бессарабии, Ивановский в конце того же года выдержал устные испытания и 1 февраля получил диплом об окончании университета со степенью кандидата и отличными оценками по всем дисциплинам, кроме богословия, по которому у него было «хорошо». Через месяц он представил диссертацию «О двух болезнях табака», после чего А.Н.Бекетов и Х.Я.Гоби рекомендовали его для подготовки к профессорскому званию, охарактеризовав как «известного профессору А.Н.Фаминцыну за весьма трудолюбивого и талантливое молодого человека» (самому Фаминцыну, видимо, хлопотать о своем ученике не дозволялось). Ходатайство факультета было удовлетворено Управлением попечителя Петербургского учебного округа, и Ивановского оставили при университете на два года, но без стипендии. Понимая тяжелое материальное положение своего ученика, Фаминцын предложил ему подать прошение о предоставлении стипендии из специальных средств факультета. Однако, считая бесчестным получать оплату «в счет будущих благ» и опасаясь не оправдать возлагаемые на него надежды, Ивановский отказался. Позже, не желая огорчать Фаминцына, рассерженного и обиженного таким отказом, он подал соответствующее прошение, и 1 мая 1889 г. ему была назначена стипендия в 600 рублей сроком на два года (см. приведенные в конце статьи записи из дневника Дмитрия Иосифовича, сделанные им в марте-апреле 1889 г.). Очень тяготившийся этим содержанием Ивановский был рад избавиться от него, когда через год Фаминцын пригласил его на должность лаборанта организованной им Ботанической лаборатории Академии наук.

В 1889 г. Дмитрий Иосифович женился на Евдокии Ивановне Родионовой, дочери хозяйки квартиры, которую он снимал на Офицерской улице (ныне ул. Декабристов). В 1890 г. у них родился сын Николай. Стесненное материальное положение и необходимость содержать семью вынудили Ивановского в 1896 г. покинуть Ботаническую лабораторию и занять место преподавателя физиологии растений в Технологическом институте Императора Николая I, где преподавал до 1900 г.

В апреле 1890 г. срок подготовки к профессорскому званию Ивановскому продлили на год, однако закончить свою магистерскую диссертацию он все равно не успел. Его работа, посвященная изучению спиртового брожения, потребовала больших усилий и затрат времени на модернизацию лабораторных установок и кропотливые эксперименты. Защита диссертации «Исследование над спиртовым брожением» состоялась 22 января 1895 г. Утвержденный в степени магистра ботаники, Ивановский уже через два месяца начал читать лекции по физиологии низших организмов в Санкт-Петербургском университете в звании приват-доцента. Но это почетное звание не давало средств к существованию: приват-доценты получали не жалование, а лишь гонорар, который пла-

тили студенты за необязательный приват-доцентский курс (по 1 рублю в семестр за вычетом 1%). Год спустя Ивановский получил обязательный курс по анатомии и физиологии растений и занял переданную ему Фаминцыным кафедру. Так Дмитрий Иосифович стал числиться штатным приват-доцентом, получающим постоянный оклад, но при одном важном условии. Кафедру столичного университета, переданную магистру в виде исключения, он может занимать временно, в течение пяти лет, по истечении которых должен либо защитить диссертацию на степень доктора и получить звание профессора, либо передать кафедру другому. Кроме того, занимающий кафедру приват-доцент был ограничен в своих правах, например, не имел решающего голоса на заседаниях совета факультета и не мог самостоятельно распоряжаться средствами кафедры. Официальным представителем кафедры физиологии растений был назначен возглавлявший кафедру ботаники профессор Гоби. По словам современника, этот очень сухой человек, большой формалист, смотрел свысока на всех, кто не имел достаточно высокого чина и звания. Несмотря на то, что все эти ограничения доставляли Дмитрию Иосифовичу немало переживаний и беспокойств, перспективы его дальнейшего карьерного и научного роста в крупнейшем научном центре страны оставались довольно радужными. И они наверняка бы воплотились, если бы он не избрал предметом своей диссертации мозаичную болезнь табака. Столкнувшись с большими сложностями в поисках возбудителя этой болезни, которого не позволяли обнаружить стандартные методы микробиологии, претерпевая множество неудач, модифицируя раз за разом экспериментальные подходы, Ивановский все больше затягивал с завершением диссертации.

В 1901 г. истекли установленные пять лет, а диссертация все еще не была закончена. Совет факультета стал подыскивать новую кандидатуру заведующего кафедрой, со степенью доктора наук. Н.А.Меншуткин написал К.А.Тимирязеву, тоже бывшему ученику Фаминцына, работавшему тогда уже в Московском университете: «Так как Ивановский все не может представить докторскую диссертацию, под давлением Министерства у нас возник вопрос о замещении кафедры физиологии растений и назначена комиссия для рассмотрения кандидатов. Не пожелаете ли Вы быть представленным?» [2]. Тимирязев не пожелал, и кафедру предложили его ученику, молодому, но уже известному своими достижениями профессору Варшавского университета В.И.Палладину, на что тот охотно согласился. Ивановский же был «Высочайшим приказом по гражданскому ведомству от 14 сентября 1901 г. за №74 назначен экстраординарным профессором Варшавского университета по кафедре физиологии и анатомии растений», т.е. на место Палладина. Докторскую диссертацию «Мозаичная болезнь табака» Ивановский защитил

Диплом доктора ботаники, выданный Ивановскому после защиты диссертации «Мозаичная болезнь табака» в 1903 г. Государственный архив Ростовской обл. Ф.257. Оп.2.

в Киевском университете 16 марта 1903 г., и 1 мая того же года стал ординарным профессором. Больше к изучению возбудителя табачной мозаики и вообще к работам по микробиологии он никогда не возвращался.

Можно только догадываться, сколь огорчительным для Дмитрия Иосифовича был перевод в Варшавский университет, где возможности для исследовательской работы были значительно скромнее, чем в столице. И все же научных изысканий он не прекратил, занявшись изучением растительных пигментов. Это была совместная работа с М.С.Цветом, известным своим открытием метода хроматографии. Они были знакомы еще по работе в Ботанической лаборатории Фаминцына, и, оставая Петербург, Ивановский предложил Цвету место на своей новой кафедре. Тогда Ивановского интересовало состояние пигментов в живом растении. Из его экспериментальных работ следовало, что в пластидах хлорофилл находится в коллоидном состоянии. Этим и объясняется различие спектров поглощения хлорофилла в растворе и в живом ли-

сте, а также устойчивость его при разрушающем воздействии света. А каротин и ксантофилл, как он заключил, выполняют в пластидах роль экрана, защищающего хлорофилл от разрушения преломляемыми лучами спектра. Кроме чтения лекций в Варшавском университете Дмитрий Иосифович преподавал на Высших женских курсах, заведовал Ботанической лабораторией и Варшавским помологическим садом (на общественных началах), был секретарем физико-математического факультета, входил в комиссию по «вспомоществованию недостаточным студентам» и много сил отдавал редакторской деятельности, будучи председателем редакционной коллегии «Варшавских университетских известий».

В 1911 г. супруги Ивановские испытали большое горе: умер их единственный сын Николай. Он тогда был студентом последнего курса Санкт-Петербургского (иногда ошибочно сообщается, что Московского) университета, избравшим по примеру отца специальность физиолога растений. Он как-то спросил Фаминцына, у кого ему следует продолжить работу после окончания университета, чтобы стать хорошим физиологом, на что тот ответил: «У вас есть отец — лучшего учителя вам не надо». Перед отъездом в Варшаву Николай простудился и серьезно заболел. Друг Николая написал его родителям, чтобы они срочно приезжали в Петербург. Ивановские застали сына уже в очень тяжелом состоянии и по рекомендации врачей увезли его в Крым. Прожив в Ялте две недели, Николай умер от скоротечной чахотки.

Во время Первой мировой войны, в 1915 г., из-за угрозы наступления немцев на Варшаву университет временно перевели в Ростов-на-Дону. Туда переехал и Дмитрий Иосифович. Спешно и плохо организованная эвакуация университета не позволила перевезти значительную часть лаборатории, которую он создавал долгие годы, другая же ее часть пострадала при транспортировке. Осталась в Варшаве и личная библиотека Ивановского, а также большинство его записей. Приходилось все начинать сначала: налаживать работу кафедры, организовывать новую лабораторию. Университет разместили в плохо приспособленных помещениях, а профессоров — в довольно тесных и неблагоустроенных квартирах. Дмитрий Иванович поселился в доме на пересечении Никольской улицы с Николаевским переулком (ныне Социалистическая ул., 87). Видимо, это единственный известный сохранившийся в России дом, в котором жил Ивановский. Тяжелые условия жизни и работы на новом месте, в условиях Гражданской войны, а также подорванное здоровье не позволили ему продолжать исследовательскую работу. Он читал лекции в университете, переименованном в 1917 г. в Донской, был редактором университетских известий и председателем отделения биологии Общества естествоиспытателей. Главным же трудом непродолжительного ростов-

ского периода его жизни стал учебник физиологии растений, подводивший итог его многолетней преподавательской и научной работы. Книга, составленная с необычным, историческим подходом в изложении материала, вышла ограниченным тиражом в 1919 г. Редактор второго издания учебника Н.Н.Худяков отмечает его как «несомненно, лучшее руководство по физиологии растений, и не только на русском языке».

Дмитрий Иосифович скончался 20 июня 1920 г. и был похоронен в Ростове-на-Дону, на Новопоселенском кладбище. Ныне его могила утрачена. В 1950-х годах на другом ростовском кладбище, Братском, был возведен кенотаф с его именем.

Штрихи к портрету

О жизни Дмитрия Иосифовича, протекавшей вне академических стен, мы почти ничего не знаем. Иных свидетельств, не вытекающих из формальных биографических материалов, — об особенностях его характера и личности, о тех незначительных или важных чертах, из которых складывается индивидуальность человека, сохранилось очень мало. Лишь несколько современников, знавших Ивановского лично, оставили краткие воспоминания, позволяющие в некоторой степени представить его нравственный облик. Краткую и вместе с тем емкую характеристику Дмитрия Иосифовича составил А.Ф.Флеров*, принявший кафедру своего замечательного предшественника через 15 лет после его смерти: *Человек он был сердечный, скромный, очень симпатичный и при своей большой учености держался как-то в тени и не стремился выставлять себя вперед. Этим можно объяснить, что его величайшее открытие в свое время не было оценено и о нем вспомнили только теперь...* [3].

Самые ранние воспоминания, посвященные времени работы Ивановского в Санкт-Петербург-

Д.И.Ивановский в кругу друзей, Варшава, дата не известна. Е.И.Ивановская, ?, Д.И.Ивановский, ?, М.С. Цвет. Архив кафедры микробиологии и биохимии Южного федерального университета. Публикуется впервые.

ском университете, принадлежат его ученику Н.А.Максимову**.

Первую встречу со своим будущим учителем он описывает так: *Не без робости и смущений войдя в кабинет Ивановского, помещавшийся во втором этаже небольшого ботанического здания <...> я увидел перед собой довольно высокого художавого человека с нервным одухотворенным лицом и живыми пронизательными глазами. Узнав, что я уже давно и твердо решил избрать своей специальностью физиологию растений, Д.И. отнесся к этому моему решению очень сочувственно и охотно разрешил досрочно пройти практичес-*

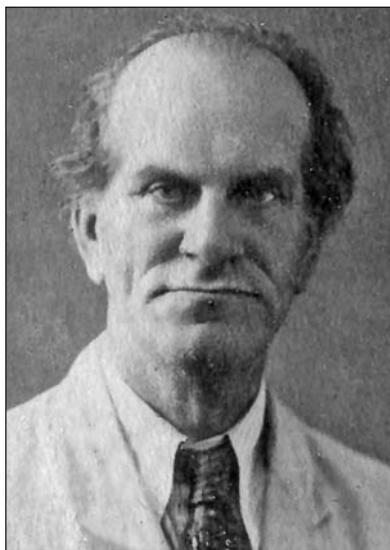
* Флеров Александр Федорович (1872—1960), болотовед, флорист и систематик растений, начинавший работу в лабораториях К.А.Тимирязева и В.И.Палладина, с 1935 по 1944 г. заведовавший кафедрой анатомии и физиологии растений Ростовского государственного университета.

** Максимов Николай Александрович (1880—1952), физиолог растений, академик АН СССР (1946), директор Института физиологии растений, преобразованного из Ботанической лаборатории А.С.Фаминцына.

кий курс анатомии растений, а затем и физиологии растений. Вспоминая о пребывании Ивановского в статусе приват-доцента, которому была поручена кафедра с условиями и ограничениями в правах, Максимов пишет: *...такое неполноправное положение доставляло много огорчений и неприятностей Д.И., усугублявшихся свойственными ему мнительностью и неуверенностью в своих силах. Ивановский всегда был человеком чрезвычайно щепетильным в вопросах чести и морали, в высшей степени деликатным и очень остро реагировавшим на всякого рода проявления грубости или пренебрежения к его достоинству [4].*

Сложные взаимоотношения с профессором Гоби, неприязнь которого усилилась из-за популярности среди студентов лекций Ивановского (на лекции Гоби студенты ходили «по наряду», по очереди) Максимов характеризует так: *Все это, конечно, чрезвычайно чувствительно отзывалось на психике Д.И. и усиливало и без того присущую ему повышенную нервность.* По словам Максимова, об отношении студентов к Дмитрию Иосифовичу говорит их решение объявить бойкот Палладину, сменившему любимого профессора. Лишь уверившись в достоинствах и научном авторитете Палладина, а также в том, что он не участвовал в закулисных интригах против Ивановского, студенты отказались от выступлений.

И.П.Керенский — ученик, и затем сотрудник Ивановского в Донском университете — оставил описание организации его лабораторной работы. *Нужно было видеть, с какой тщательностью ставил он всякий свой опыт, как следил за безукоризненной чистотой посуды и приборов, как он был требователен к чистоте реактивов. Уже один внешний вид лаборатории говорил о нем как об исключительно точном и до щепетильности аккуратном человеке. В лаборатории у него была идеальная чистота, все буквально блестяло; вся мебель была отделана в светлые цвета, все было на своих местах [5].* По словам вдовы Ивановского, в лаборатории Дмитрий Иосифович бывал ежедневно на протяжении всего года, кроме первого дня Пасхи. После переезда в Ростов-на-Дону, создавая заново почти полностью утраченную лабораторию, он заказал новую массивную, под цвет дуба, мебель, а также специально спроектированные им лабораторные столы для практических занятий. В новом помещении лаборатории было довольно скудное естественное освещение, и столы имели форму трапеций, обращенных к окну своей широкой стороной.

И.П.Керенский — сотрудник Ивановского. 1949 г. Публикуется впервые.

Максимов и слушавшие лекции Ивановского в Варшавском и Донском университетах И.П.Керенский и А.А.Приступа пишут, что он не блистал ораторским красноречием, не использовал особых риторических приемов, чтобы привлечь внимание аудитории, но все же был замечательным лектором. Читал он просто, словно вел беседу со слушателями, излагая при этом материал очень четко и ясно, строго продуманными, как говорили о нем, отчеканенными фразами. Его лекции были построены в историческом ключе: ставился какой-нибудь вопрос, и его решение неторопливо излагалось в последовательном развитии, с рассказом о борьбе различных взглядов, и уже затем сообщалось современное его состояние. Читая лекции, Дмитрий Иосифович будто впервые сталкивался с разбираемыми проблемами и самостоятельно пытался их решить, выдвигая гипотезы и пути их экспериментальной проверки, открывающие новые вопросы, которые требовали разрешения.

Г.М.Вайндрах так пересказывает неопубликованные воспоминания Керенского об этих лекциях. *Иногда, излагая какой-нибудь сложный и спорный вопрос, профессор делал вид, что он силится придумать опыт, который дал бы наконец определенный ответ на «проклятый» вопрос. Казалось, что он сам переживает растерянность. Он останавливается, он думает, а вместе с ним ломает голову вся аудитория. Это были интересные паузы в его лекциях; молчал в глубоком раздумье лектор, молчала и вся аудитория, а мысль у каждого работала. Затем молчанье прерывалось, и профессор начинал вслух и с некоторой неуверенностью предлагать разные пути для разрешения запутанного вопроса. Предложит какой-нибудь эксперимент, начнет его продумывать, обсуждать — и вдруг покажет, что этим путем ничего нельзя выяснить. Опять пауза. Опять профессор делает вид, что он раздумывает: приложит руку к подбородку, пройдет за кафедру, в раздумье остановится. Какое умственное напряжение переживала в эти минуты вся аудитория! Вдруг путь открывается, вопрос разъясняется, речь Ивановского становится бодрой, вдохновенной, аудитория сияет, каждый чувствует себя участником разрешения этого вопроса [3].*

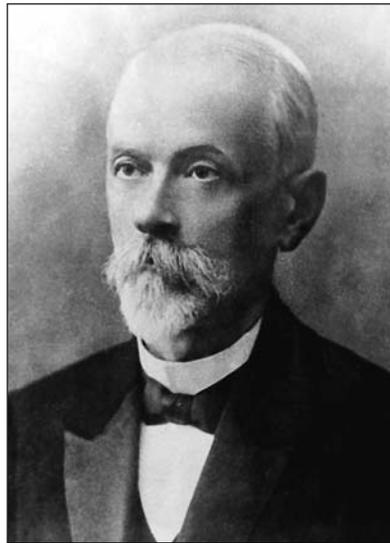
Интересные штрихи к портрету Ивановского добавляет и впечатление Керенского об актовой речи декана физико-математического факультета П.И.Митрофанова, в которой обсуждался знаменитый доклад Э.Дюбуа-Реймона с его пессимистичным утверждением «Ignoramus et ig-

porabimus» (не знаем и не узнаем). В этой речи бодро прозвучало вопреки утверждениям Дюбуа Реймона: «Не знаем, но будем знать». Эта бесконечная вера в науку, в силу человеческого знания так гармонировала с внешним видом профессора Митрофанова, с его упрямым орлиным взглядом, с его твердым и решительным характером. Ивановский не выступал с собственным докладом на эту тему, но было особенно приятно видеть, как он, маленький, худенький старичок, весь седой, крайне болезненный на вид, с энтузиазмом присоединялся к профессору Митрофанову, утвердившись кивая головой: «Конечно, будем знать», и весь при этом как-то просветлялся [3].

До последнего года жизни Дмитрий Иосифович не оставлял чтения лекций в университете. В.А.Карницкий, в 1920 г. студент третьего курса, пишет, что в то время Ивановский часто и подолгу хворал и посещение его лекций было необязательным, поскольку студенты не всегда знали, когда он будет читать. После очередного перерыва на лекцию пришли несколько человек, а время спустя — лишь автор воспоминаний. Он спросил ассистента Е.А.Жемчужникова, состоится ли лекция, и тот, поговорив с Д.И., велел не уходить. Эти лекции Д.И. читал медленно, останавливался для отдыха, а последнюю дочитал с трудом.

Конечно же, здоровье Ивановского очень подорвала смерть единственного и любимого сына, после которой он, по словам современников, и без того замкнутый, сделался еще более отстраненным, очень мрачным и раздражительным. Однако, несмотря на такие перемены в характере, он, по словам Приступы, на время становился прежним, когда дело касалось близких его сердцу вопросов.

Максимов, навестивший своего старого учителя в Ростове-на-Дону, оставил одно из последних воспоминаний об Ивановском. Это было в 1919 г., меньше чем за год до смерти Д.И. Я застал его уже совсем стариком, очень ослабевшим и болезненным, хотя ему в то время было всего 55 лет. <...> Ивановский встретил меня очень приветливо и рассказал, что работает главным образом над окончанием своего учебника физиологии растений, в котором хочет отразить весь свой многолетний опыт чтения курса физиологии растений в университете. Книга уже подходила к концу, и Д.И. с удовлетворением показывал мне последние корректурные листы. Большую помощь ему и в этом деле, и в работе по кафедре, и в житейских делах оказывал его последний ученик и ассис-

Последняя фотография.

тент Е.А.Жемчужников, приехавший с ним из Варшавы и заботившийся о нем, как об отце. Но здоровье Ивановского было уже сильно подорвано, и через несколько месяцев он скончался от болезни печени [4]. Лечивший Дмитрия Иосифовича профессор Мухин констатировал у него цирроз печени. Возможно, это был результат постепенной химической интоксикации реактивами, с которыми он всю жизнь работал. Известно наблюдение анонимного современника Ивановского, полученное Вайндромом. Правильен был или неправилен диагноз профессора Мухина, не знаю, но, узнав об этом диагнозе, я стал присматриваться к профессору Ивановскому и ясно видел у него желтушную ок-

раску глаз. Кроме того, последние годы он был крайне раздражителен. Профессор Ивановский чувствовал приближение смерти; он с волнением жаловался на все растущий упадок сил, на утрату работоспособности. В его психике происходил резкий перелом под влиянием чувства приближающейся смерти [3].

К сожалению, Дмитрий Иосифович Ивановский не оставил собственных мемуаров, практически не сохранилось его писем. Мы ничего не знаем и, видимо, никогда не узнаем о его художественных вкусах, философских и общественно-политических взглядах. Некоторые современники отзываются о нем как о горячем патриоте, отстаивавшем приоритет русских ученых в тех или иных открытиях и самостоятельность российской науки. Авторы биографических публикаций об Ивановском, написанных в 40–60-х годах, разумеется, упорно пытались представить его как противника современного ему режима и сочувствующего революционным настроениям. Однако у них это получилось плохо. Так, утверждение К.Е.Овчарова [6], что женитьба Ивановского на дочери политического ссыльного характеризует его подлинные симпатии к тем, кто боролся с произволом самодержавия, смехотворно. Утверждение, что он всю жизнь хранил благоговейную память об А.Ульянове, никак не подтверждается словами Ивановского. Он записал в 1889 г., что в острополитической ситуации его времени есть только два пути: или путь Ульянова, или путь Фаминцына, Бородина, и сам «пошел другим путем», не ульяновским. Максимов признавал, что чрезвычайно мягкий и деликатный по своему характеру, Д.И.Ивановский, глубоко возмущаясь действиями полиции и царского правительства, все же не мог полностью сочувствовать и насильственным, по его мнению, действиям забастовщиков, заставлявших не участвовавших

в забастовке студентов уходить из аудитории [4]. И уж конечно, вряд ли Ивановский сочувствовал революционным настроениям, когда в 1917 г. так называемый студенческий революционный комитет постановил отстранить ректора, профессора С.И.Вехова, а заведование всем университетским имуществом передать какому-то товарищу Райхману. Или когда в 1918 г. большевики на второй день после появления в Ростове-на-Дону выволокли на улицу его университетского коллегу, известного физика А.Р.Колли и, раздев, расстреляли, а затем глумились над его трупом. Можно только догадываться, как Дмитрий Иосифович относился к таким событиям, но сам факт, что какие-либо его записи об этом не дошли до наших дней, говорит, каким именно могло быть это отношение.

Фрагменты из дневника

Сегодня из известных биографических документов, наверное, самый богатый материал для понимания личности и душевного склада Ивановского дают страницы его дневника с записями размышлений и личных переживаний, которые он делал, по крайней мере, вплоть до 1891 г. После смерти автора этот документ хранился у вдовы или в университете в Ростове-на-Дону, где его видел Приступа, который использовал из него одну выдержку в своих воспоминаниях, напечатанных в 1965, 1966 гг. [7]. После войны дневник, видимо, попал к московскому микробиологу Вайндрау, который опубликовал некоторые его фрагменты в биографическом очерке об Ивановском, наверняка с цензурными купюрами 1949 г. [3]. Разыскать оригинал этого документа сейчас не представляется никакой возможности. Ввиду большой биографической ценности я привожу все известные фрагменты из этого дневника, расположенные, насколько это возможно, в хронологическом порядке и с сохранением исходной орфографии.

Лето 1887 г.

Достичь желаемого не трудно, но зато часто чрезвычайно трудно определить, чего ты хочешь (раз ты задал себе этот вопрос). Вот уже три года, как я стараюсь определить свои желания, но до сих пор тщетно.

Дата неизвестна

Счастлив человек, который, обладая силами, знает, чего он хочет. У меня есть силы, но я не знаю, что я хочу, — в этом мое несчастье. Когда я задал впервые себе этот вопрос, я был юношей, в котором зародилось лишь неопределенное желание делать, приносить пользу, получать славу. Первый триумф, чей бы то ни было, который я вижу, первая наружная прелесть, которая мне бросается в глаза... толкает меня на ложную дорогу... Проходит время, и я вижу, что это не по

мне, и снова я задаю себе роковой вопрос: так чего же я хочу. На чем остановлюсь. А я еще ищу этой области. И найду ли ... Тяжелое положение. Порой на меня находит отчаяние, и я хотел [бы] опуститься низко, жить сегодняшним днем.

Дата неизвестна

Я ужасно ревнив во всем или самолюбив.

13.III.1888 г.

Вчера в первый раз был на субботе у Бекетовых. Была по преимуществу молодежь — все бесчисленные дочери и племянницы Бекетова. Кроме одного, все были для меня совершенно новые лица. Вечер с 9 часов вечера до 3¹/₂ ночи прошел в болтовне, блиставшей одной бессодержательностью, игре (в письма какие-то) и угощении. Считают вечер неудавшимся, так как отсутствовали главные деятели — Кузнецов и Краснов А.** Иначе бывают танцы, а разговоры, хотя те же, но более одушевленные. Мне было скучно. Сколько ни прислушивался к разговорам, не только поддерживать их, но и слушать-то не хотелось. Часов в 11 пришли двое взрослых членов Вольного экономического общества. Между ними и Бекетовым завязался разговор — тоже пустой, но я мог слушать его без скуки. <...> Я не могу так веселиться. Я знаю, что также томлюсь ближайшими товарищами, когда почему-нибудь времяпровождение принимает такой характер. Мне нужно более содержания. Танцы мне не доставляют никакого удовольствия. Я не понимаю, как можно просидеть друг с другом весь длинный вечер и весь вечер болтать только пустяки и находить в этом удовольствие. Мне всегда нужно, чтобы речь доставляла какую-нибудь пищу уму, хотя небольшую, иначе я скучаю. А вечер, проведенный в пустой болтовне, отупляет меня.*

Видимо, тогда же

*Вчера было собрание биологического кружка. Я пришел к Олейникову, у которого в этот раз собиравшись рано, и потому не меньше 1¹/₂ часов провел в разговоре. Этот разговор был для меня очень приятен. Интересно сравнить его с разговорами у Б., о чем мы говорили. Тотчас вслед за мной к Олейникову зашел Соловьев по делу. Говорили о Заварыкине***, о том, как у него хорошо поставлены демонстрации, какой он грубый человек, о строении сетчатки (не из 7 слоев, как я думал, а из десяти) и о функции отдельных слоев. Соловьев расспрашивал меня о табачной работе;*

* Кузнецов Николай Иванович (1864—1932), ученик Бекетова, географ-ботаник.

** Краснов Андрей Николаевич (1862—1914/1915), ученик Бекетова, ботаник, почвовед, географ и палеоботаник.

*** Заварыкин Федор Николаевич (1835—1905), врач, гистолог, профессор кафедры нормальной гистологии Военно-медицинской академии.

Д.И.Ивановский проводит занятия со студентами в ботанической лаборатории Варшавского университета, дата не известна. Архив кафедры микробиологии и биохимии Южного федерального университета. Публикуется впервые.

шутил, что хорошо, если бы и его послали куда-нибудь, хотя как щедринских старичков. Пришел Орештейн и стал спрашивать Олейникова о вечере у Щиклевых. Тот передал бывший там доклад и прения (по женскому вопросу). По этому поводу у нас завязался очень оживленный обмен мыслей. В это время мы уже пили чай. Так как я на днях уезжаю и это собрание для меня последнее в этом году, то дали взаимно слово заботиться о сохранении биологического кружка, за лето приготовить сообщение, а будущей зимой постараться об увеличении числа членов. Пришел Варфоломеев. Орештейн начал свое сообщение «Психо-физиологический закон Вебера-Фехнера и его критики». Разошлись в 2 часа ночи.

17.III.1888 г.

С некоторого времени я решил, что я буду делать. Я занимаюсь физиологией растений. Как это произошло? Положа руку на сердце, я должен сказать: «Я только махнул рукой на остальные науки». В сущности я точно так же мог бы заниматься и некоторыми другими науками (зоологией, геологией, географией, химией), но только не всеми; даже на нашем факультете есть науки, которыми я не хочу заниматься (анатомия, гистология, эмбриология животных). Но я забыл думать о других науках и стал заниматься физиологией растений и чувствую себя очень хорошо.

Через полтора года к этой записи приписано: *А теперь еще лучше.*

2.II.1889 г.

Слышали вы, какую речь сказал Ону* на сходке! (12 декабря 1887 г.). «Вот хороший-то человек!»; «Какую речь-то Ону сказал!» и т.п. На этот лад без конца, всюду между знакомыми. Я тоже был на сходке и слышал речь, но когда мне говорят вышеприведенные фразы, мне становится как-то больно и стыдно. Я вспоминаю, как этот самый Ону попятился за спину другого студента, когда на сходку пришел ректор. Никогда не забуду лица этого студента: бледный, с болезненным видом, он стоял, сложив руки, против ректора и прямо смотрел ему в лицо. А Ону сделался таким маленьким, съезжился как-то весь, стараясь спрятаться за, увы, неширокую спину этого студента. Я до сих пор не могу забыть этого факта, он был слишком резкий, слишком очевидный. После этой сходки мне стало особенно ясно, что в этом вопросе есть только два пути: или путь Ульянова, или путь Фаминцына, Бородин. Середина — Ону, Клейбер и им подобные (которых легион) — отвратительна.

31/III 1889 г.

Очень интересный разговор вышел у меня с А.С. [Фаминцыным]. Нужно заметить, что он хлопо-

* Ону Александр Михайлович (1865—1935), студент историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета, участник студенческих волнений, впоследствии историк, умер в эмиграции.

Д.И.Ивановский среди профессоров физико-математического факультета Варшавского (Донского?) университета, между 1909 и 1916 гг. Стоят: зоолог Яков Павлович Щелкановцев (1870—1938), физик Андрей Робертович Колли (1874—1918), ?, математик Дмитрий Дмитриевич Мордухай-Болтовской (1876—1952). Сидят: ботаник Викентий Фердинандович Хмелевский (1860—1920), Д.И.Ивановский, химик Венедикт Викторович Курилов (1867—1921), гистолог и эмбриолог, декан факультета Павел Ильич Митрофанов (1857—1920), геолог и минералог Алексей Михайлович Зайцев (1856—1921), астроном Сергей Данилович Чёрный (?). Архив кафедры микробиологии и биохимии Южного федерального университета. Публикуется впервые.

чет для меня стипендию магистранта. Я было согласился на это, так как никого другого в виду не имеется, но собственные неудачи в работе (до сих пор я ничего не сработал), неудачные диспуты брата (см. статью в «Неделе»), все это произвело на меня очень угнетающее впечатление, и я твердо решился не брать стипендию. Пример брата кажется в особенности мне поучительным: Ему также его учитель «пел про его великие способности», про alter ego и т. д., он тоже получал стипендию, да еще медали, через год стал читать лекции, а кончилось дело очень плохо. Дело вот в чем: чтобы успевать в жизни, нужны или 1) выдающиеся таланты, или 2) умение жить. Ни того, ни другого у нас нет, а стало быть... нужно быть очень осторожным. Так вот сегодня я и объявил Фам[инцыну], что надеюсь достать урок и потому и т.д., что урок лучше стипендии, так как, получая деньги за урок, я вижу, за что получаю, а стипендия за что платится? За научные занятия нельзя платить; в счет будущих благ уже совсем не имеет смысла и т.п. А.С. самым энергическим образом воспротивился этому. «В научных занятиях вы можете поступать по усмотрению, но здесь уж позвольте мне распоряжаться. Из-за каких-нибудь ничтожных 600 руб-

лей вы портите серьезное дело. Университет имеет специальные суммы на сей конец. Он знает, что он до известной степени рискует, так как из молодого человека может ничего не выйти. Наконец, смотрите на это как на долг, который вы со временем уплатите (т.е. деньгами), и действительно уплатите,— против этого я ничего не буду иметь. Вы уж слишком щепетильны. Кому дать — вам или другим позвольте судить нам (факультету), а не сами это решайте».

Разговор сошел в сторону, коснулся более интимных вещей, взгляда моего на людей, и здесь он сказал мне неожиданную вещь. От других я слышал это нередко, но от него никак не ожидал услышать. Он сказал: «Вы решительно презираете всех, считаете их сделанными из чего-то другого, только не из того, из чего вы сделаны. Вы можете из-за пустяков разойтись с человеком самым близким. Я не уверен, что и мы с вами как-нибудь не разойдемся из-за глупости. И я убежден, что при этом вы первый и всего более от этого страдаете». — «Эти последние ваши слова, А.С., не означают, что вы сердитесь на меня за отказ от стипендии?» — «О нет, никак» — это было сказано так, что я уверен, что они действительно не имели того значения. Вообще он обо мне по-прежнему

еще самого лучшего мнения, и, что особенно дорого, он привязан ко мне. Странно, за что. Уж не обманул ли я его чем-нибудь. Впрочем, не верится как-то ничему этому. А.С. — человек нервный, как я, и может наговорить очень искренне вещей, которых он на самом деле не чувствует.

Видимо, 1-я неделя апреля 1889 г.

Вышеприведенный разговор наш он понял так, что я отказываюсь от стипендии потому, что считаю пользование ею делом бесчестным, а отсюда следует, что он, А.С., толкает меня на бесчестное дело. Между тем я ведь хотел сказать, что себя не считаю достойным стипендии, свои занятия — не подлежащими оплате, но, видно, я уж слишком отдаленно намекал на это. Обиделся, рассердился А.С. страшно; в тот день (пятницу) ушел раньше обыкновенного, в воскресенье нажаловался П.Я. [Крутицкому]* (тот и предупредил меня). В понедельник произошло объяснение. Он даже побледнел, когда я заговорил про стипендию. Но все кончилось прекрасно, мы расцеловались даже, и теперь все обстоит прекрасно. Стипендии было 2, а кандидатов 4, отказали Георгиевскому и кому-то у Филиппа Добродушного. Дали, кроме меня, Фаусеку**. Гоби очень много хлопотал для меня. Он сделал так, что мне будет дана та, которая идет от 1/1 1889 г., а не от 1/III.

Дата неизвестна

Много времени прошло с тех пор, как я писал здесь, — много и воды утекло. Стипендию, о которой сказано выше, я получал в течение года, т.е. до 1/I, а затем, заняв 1/I 1890 г. должность ассистента ботанической лаборатории Академии наук с жалованием 1200 рублей, я отказался от нее, поблагодарив факультет за оказанную помощь. Стипендию отдали тогда Агафонову Вал.[ериану] Константиновичу***.

* Крутицкий Петр Яковлевич (1839—1891), физиолог растений, автор учебника «Практические занятия по гистологии растений».

** Фаусек Виктор Андреевич (1861—1910), энтомолог, впоследствии профессор Женского медицинского института и директор Высших женских (Бестужевских) курсов.

Видимо, начало 1891 г.

Петр Яковлевич [Крутицкий] умер, помнится, 27 января настоящего года. Андрей Сергеевич Фаминцын все время считал его самым близким своим другом и на похоронах так себя держал. Например, он не захотел участвовать в общем венке, а принес свой отдельный с надписью: «Лучшему другу». В Ботаническом обществе, говоря некролог, он едва не плакал. Но после Крутицкого осталась неоконченной книга, бывшая в последние два года жизни его любимой мечтой; в то же время это было бы, может быть, лучшее обеспечение для вдовы, которую П.Я. почти оставил ни с чем. Рукопись книги почти окончена, деньги на издание дает университет, осталось, стало быть, сделать очень немного. Недавно я заговорил об этом с А.С. Он тотчас и наотрез отказался: «Вы знаете ведь, — говорил он, — как писал П.Я; ни я, ни Бородин**** никогда не принимали всерьез его статьи. Если издать его рукопись, придется отвечать за все глупости, которые там находятся, или же придется все переделать, на что у меня нет времени» (Вот тебе и лучший друг!).

Не знаю, лучшим или худшим другом считал Петра Як. Бородин, но он взял на себя этот труд, и можно надеяться, что сделает.

Нет, не сделает. Через неделю-две он объявил, что, прочтя рукопись, нашел ее слишком неудовлетворительной, прямо не стоящей печати. За чем же вся эта ложь в некрологах, в отзывах, сожжениях и т.п.?

Дата неизвестна, до 20.V.1891 г.

Боже мой, боже мой, сколько лицемерия, лжи, двуличности, подкопов, вражды — словом, борьбы за существование в самом безнравственном смысле этого слова!

*** Агафонов Валериан Константинович (1863—1955), геолог, минералог и почвовед, популяризатор науки.

**** Бородин Иван Парфеньевич (1847—1930), ботаник, профессор кафедры ботаники и дендрологии Санкт-Петербургского лесного института.

Литература

1. Зильбер Л.А. Некоторые материалы к биографии Дм. И. Ивановского // Журнал микробиологии, эпидемиологии и иммунологии. 1948. №11. С. 80.
2. Черненко Г.Т. Тимирязев в Петербурге—Петрограде. Л., 1991.
3. Вайндрах Г.М. Д.И.Ивановский: Биографический очерк // Ивановский Д.И. О двух болезнях табака. Мозаичная болезнь табака. М., 1949.
4. Максимов Н.А. Воспоминания о Дмитрии Иосифовиче Ивановском // Известия АН СССР. Серия биологическая. 1950. №6. С.22—29.
5. Матухин Г.Р. Педагогическая деятельность Д.И.Ивановского // Памяти Дмитрия Иосифовича Ивановского / Под ред. Н.А.Максимова. М., 1952. С.87—93.
6. Овчаров К.Е. Дмитрий Иосифович Ивановский (1864—1920). М., 1952.
7. Пристupa А.А. Из воспоминаний о профессоре Д.И. Ивановском // О природе вирусов / Под ред. В.Л.Рыжкова. М., 1966. С.11—15.